

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Мамедалиевой Альбины Вугаровны на тему «Конкуренция юрисдикций при рассмотрении и разрешении гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера» по специальности 5.1.3. – «Частно-правовые (цивилистические) науки», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Актуальность темы диссертации Мамедалиевой А.В. (далее также диссертант, соискатель или автор) не вызывает сомнений для всех, кто соприкасается со спорами, связанными с взаимодействием различных национальных юрисдикций в сфере гражданского судопроизводства, а тем более профессионально работает в ней и/или осмысливает возникающие там проблемы. Ведь она в обозримой ретроспективе всегда была конкурентна. Во всяком случае, в условиях формирования взаимосвязанного и взаимозависимого мира, в котором гражданский оборот выходит за пределы национальных границ, и, соответственно, внутригосударственного правового регулирования.

Но по историческим меркам еще совсем недавно и при специальном осмыслении, в том числе доктринальном уровне, она в основном представляла как конкуренция национальных юрисдикций, предлагавших свои механизмы урегулирования споров, как наиболее эффективные. Это увязывалось с их корреспонденцией принципу верховенства права, включая его аспекты, связанные с доступностью, а также справедливостью, как самого разбирательства, так и вынесенного по его результатам финального судебного акта. Подобное отношение можно распространить и на тот период, когда меры ограничительного характера стали практиковаться отдельными государствами и их группами за пределами резолюций Совета Безопасности ООН, но еще касались ограниченного количества субъектов и сфер.

Однако позднее произошла вначале малозаметная, в силу ограниченности числа соответствующих юридических фактов (которым, не придавалось серьезного значения, как это часто бывает на начальных этапах формирования/изменения того или иного правового явления), а затем все более очевидная метаморфоза. Последняя выразилась в том, что конкуренция национальных юрисдикций приобрела характер жесткого противоборства, обусловленный не самими по себе спорадически возникающими т.н. параллельными разбирательствами (что само по себе не ново), а тем, что они осуществлялись в условиях действия тех или иных ограничительных мер.

При этом в новых условиях речь уже шла не об очевидно легитимных санкциях, базирующихся на решениях Совета безопасности ООН, а об облеченных в юридическую форму ограничительных мерах, исходящих от отдельных государств и их объединений, правомерность которых вызывает, по меньшей мере, серьезные правовые сомнения.

Ввиду количественного разрастания применения ограничительных мер, все это не могло не оказать серьезного воздействия на характер взаимодействия национальных юрисдикций в сфере защиты прав и законных интересов участников международного гражданского оборота, в том числе и в связи с параллельными разбирательствами. Указанный процесс ныне затронул, как указывает диссертант (с.134), и отношения, ставшие предметом разбирательств даже в судах в странах Европейского Союза (далее ЕС), в частности, с использованием антиисковых запретов. Хотя ранее там господствовал подход, что любая мера, запрещающая/ ограничивающая предъявление иска в суд - это вторжение в компетенцию иностранного суда.

Понятно и то, что подобное положение дел не могло не повлиять (в основном, как показывают складывающиеся реалии, негативно) и на российских участников гражданского оборота с иностранным элементом. Осознанием отечественным законодателем социально значимых последствий подобного влияния на последних и явились нормы ст. ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ, предназначенные для защиты, прежде всего, их прав и законных

интересов, посредством возможностей российской национальной юрисдикции.

Не стоит сбрасывать со счетов и то, что для российских субъектов права ситуация значительно осложнилась после выхода России в 2022 г. из Конвенции по защите прав человека и основных свобод, и, соответственно, юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее ЕСПЧ). Ибо, несмотря на выявившиеся серьезные проблемы во взаимодействии с ним, это все-таки был правовой механизм, с которым хотя бы в определенной степени можно было связывать их надежды. Ведь ЕСПЧ был юрисдикционным органом, который, с одной стороны, находился за пределами отечественной юрисдикции и являлся по отношению к последнему субсидиарным, а с другой, имел известные возможности правового воздействия на целый ряд недружественных по отношению к России (и ее субъектам права) юрисдикций. При этом в юридическом сообществе страны изначально понималось, что, в условиях массированного введения влиятельными недружественными государствами серьезных ограничительных мер, возможности отечественной юрисдикции самой по себе гораздо меньше, чем объективная потребность российских участников гражданского оборота с иностранным элементом в защите их прав и законных интересов.

При изложенном выше положении дел актуальность темы диссертации Мамедалиевой А.В. не требует более пространныго обоснования.

Рассматриваемая диссертация – это практически *первое комплексное монографическое исследование по этой теме*. Последняя, в том виде, как она поставлена в рассматриваемой диссертации, по большому счету, лишь отчасти затрагивалась в иных монографических исследованиях, что усматривается, к примеру, из абсорбированных в работе кандидатских диссертаций В.И. Барциц (в частности, из ее параграфа 3.2 главы 3), К.Е. Сюрмеева (к первую очередь, п.1.3 параграфа 1 главы 2), а также А.А. Козырина, в особенности.

Однако не вызывает сомнений, что ни указанные диссертации, ни имеющиеся попутные или затрагивающие лишь отдельные аспекты темы

суждения в иных работах по этой и/или смежной проблематике, даже в своей совокупности, не дают необходимого концептуального представления по теме диссертации. И прежде всего в плане специального анализа процессуальных особенностей конкуренции юрисдикций в условиях действия мер ограничительного характера, а также корреспондирующих компенсаторных механизмов (включая, что немаловажно, уяснение их правовой природы), появившихся в российском праве. Это, в частности, усматривается из анализа указанных выше кандидатских диссертаций, которые не решают тех познавательных (а также выявившихся злободневных прикладных) задач, которые ставятся и в той или иной степени решаются диссертантом.

В плане оценки обоснованности **основных положений, выносимых на защиту**, полагаем необходимым отметить следующее.

Имеет познавательное значение выделение диссертантом *в первом положении*, выносимом на защиту (С.9), двоякого понимания юрисдикции. С одной стороны, как суверенной власти государства по установлению и применению права в пространстве и по кругу лиц. А с другой (в собственно процессуальном), как конкретного правомочия государственного или третейского суда на рассмотрение и разрешение конкретного гражданско-правового спора, реализуемого в установленной процессуальной форме и воплощаемого в процессуальном акте, обладающем свойством *res judicata*.

Заслуживает внимания и сформулированное во *втором положении*, выносимом на защиту (С.9-10), деление процессуальной юрисдикции на два вида: публичной (государственные суды) и санкционированной частной (арбитраж). Такое различие и по сути небезосновательное, поскольку, по большому счету, соответствует современным юридическим реалиям, вполне корреспондирует и логике рассматриваемого диссертационного исследования и его научным результатам. Ведь согласно последним, процессуальная юрисдикция предстает как единство функции (окончательное разрешение спора) при дуализме структуры: вертикально-иерархической и горизонтально-договорной. Это фундаментальное структурное различие является ключом к

пониманию того, каким образом внешние факторы, такие как односторонние ограничительные меры, воздействуют на каждую из форм юрисдикции (С.69).

В *третьем положении*, выносимом на защиту (С.10), диссертант ведет речь о двояком понимании классической (определяемой диссертантом еще и как первичная) юрисдикции, характерной особенностью которой является отражение разногласий сторон спора о том, какой юрисдикционный орган вправе рассматривать и разрешать возникший спор. В широком понимании под конкуренцией юрисдикций диссертант имеет в виду не что иное, как возможность выбора среди различных конкурентоспособных юрисдикционных органов и идентифицируется на основе критерия связанности споров, а не их строгого тождества. А в узком понимании она, по мнению диссертанта, представляет собой параллельные разбирательства, то есть фактически реализованный выбор нескольких юрисдикционных органов. В этом понимании, как небезосновательно указывает диссертант, она характеризуется не связанностью споров, а их тождеством, с одной стороны, а с другой, одновременностью. При этом понятно, что выделение широкого и узкого смыслов понятий в научных исследованиях не удивительно. К примеру, это может быть связано с отсутствием четкого понимания познающим субъектом сути правового явления. Что на начальной стадии изучения последнего не удивительно и среди прочего может объясняться объективными факторами. В частности, тем, что речь идет о формирующемся, новом явлении, существенные признаки которого еще не проявились достаточно отчетливо. А это по понятным причинам может препятствовать их полному учету в определении рассматриваемого правового феномена.

Особый интерес представляет *четвертое положение*, выносимое на защиту (С.10-11). В нем сформулирован вывод о формировании ныне компенсаторной (восстановительной) юрисдикции (представленной ныне в нормах ст. ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ).

Есть основания поддержать и указание диссертантом в этом плане того, что, в отличие от классической исключительной компетенции, действующей

независимо от воли сторон и направленной на защиту публичного интереса, и, соответственно, имеющей, по сути, исключительный характер, компенсаторная юрисдикция носит диспозитивный характер. С этим следует согласиться, ведь ее реализация действительно зависит от волеизъявления заинтересованного лица и призвано восстановить баланс процессуальных возможностей стороны, ограниченной либо вовсе лишенной доступа к правосудию и/или к арбитражному разбирательству, вследствие применения мер ограничительного характера.

Заслуживает внимания включенная в *шестое положение*, выносимое на защиту (С.11-12), идея о том, что формирование самостоятельного (неискового) вида производства по делам о вынесении судебных антиисковых запретов является необходимым условием для унификации практики применения данного средства правовой защиты. Впрочем, в этой связи можно отметить, что формирование этого вида неискового производства необходимо прежде всего для оптимизации защиты соответствующих охраняемых законом интересов, и лишь во вторую очередь следует вести речь о значимости унификации практики применения судебных антиисковых запретов.

Следует согласиться и с тем выводом, содержащимся в этом положении, что в рамках данного производства суд разрешает не материально-правовой, а процессуальный спор о надлежащей юрисдикции, что предопределяет специфику его процессуальной формы, сочетающей элементы состязательности с ограничением диспозитивности в части, затрагивающей публичный интерес.

Все приведенные выше научные выводы, сформулированные в положениях, выносимых на защиту, базируются на *самостоятельном, творческом* осмыслении диссертантом не только имеющегося отечественного и иностранного опыта правового регулирования (их преимуществ, пробелов, противоречий и т.п.). Но и подлежащих учету судебной практики и научных взглядов в сфере конкуренции юрисдикций при рассмотрении и разрешении

гражданско-правовых споров, осложненных применением мер ограничительного характера. Поэтому эти выводы отвечают требованию **новизны**.

Не имеется оснований усомниться и в **достоверности выводов**, сформулированных в положениях, выносимых на защиту. Последние, не только соответствуют современному уровню знаний о правоотношениях, относящихся к предмету рассматриваемой диссертации, но и способны выполнять важную гносеологическую роль на обозримую перспективу.

Есть в диссертации и немало иных заслуживающих внимания правовых идей, некоторые из которых стоит выделить особо, например, о том, что современный юрисдикционный суверенитет интерпретируется государствами не как пассивная прерогатива, а как правовой инструмент, требующий активной защиты и реализации (с. 74-75); что, если первичная конкуренция представляет собой спор сторон о выборе юрисдикционного органа, то вторичная знаменует собой конфликт самих юрисдикционных органов о пределах собственной власти, который опосредуется частными интересами, но имеет ярко выраженную публично-правовую природу (С. 79); что некоторые критики нового процессуально-правового регулирования, в частности, норм ст. 248.1 АПК РФ, упускают из вида тот ключевой аспект, что эти нормы созданы не для идеальной правовой среды и не в рамках нее, а в условиях международного правового конфликта и противостояния юрисдикций и компетенций. Их задача – не привлечь иностранный капитал, не усилить приток иностранных инвестиций, а обеспечить минимальные процессуальные гарантии правовой защиты для своих (российских) граждан и организаций в ситуации, когда большинство иностранных юрисдикций системно нарушают их права в доступе к правосудию (С. 98); что российская модель, воплощенная в статьях 248.1 и 248.2 АПК РФ, представляет собой не зеркальное отражение западных блокирующих статутов. Ее цель – не разрушение системы разрешения международных споров, а восстановление процессуального

баланса для российских лиц, столкнувшихся с дискриминационными препятствиями в доступе к правосудию за рубежом и что оптимальный путь преодоления конкуренции юрисдикций лежит не в эскалации запретов и взаимном блокировании судебных и арбитражных решений, а в поиске баланса. Этот баланс должен основываться на признании за каждым государством права защищать своих граждан, но в тех пределах, которые не разрушают фундаментальные основы международного правопорядка и не превращают средство правовой защиты в инструмент юрисдикционной агрессии (С. 101-102).

Представляются интересными рассуждения диссертанта о действии принципа диспозитивности при сложившейся конкуренции юрисдикций, в рамках частноправовых оснований, а именно в отношении защиты арбитражного соглашения.

Особый интерес для законодателя, на наш взгляд, представляет идея закрепления специального ограниченного (относительного) юрисдикционного иммунитета, разработанная диссертантом в виде особого правового механизма, взамен действующей модели, основанной на судебной неустойке (ч.10 ст. 248.1 АПК РФ), которая эффективна только в случае, если у нарушителя есть активы на территории России. Условия его задействования и этапы реализации подробно описаны в диссертации (С.178-182).

В аспекте замечаний и вопросов, требующих дополнительных пояснений со стороны диссертанта, обратим внимание на следующее.

1. Отмечая содержательность анализа различных аспектов асимметрии в доступе к первоначально согласованному в договоре месту рассмотрения и разрешения спора, диссертант в этой связи ведет речь и о классификации по временному критерию «препятствий, возникающих на разных стадиях как судебного, так и третейского разбирательства». При этом им выделяются препятствия, во-первых, *ex ante*, возникающие до вынесения окончательного

судебного или арбитражного решения по существу спора, а, во-вторых, препятствия *ex post*, возникающие на этапе после получения окончательного судебного или арбитражного решения по существу (С.39). Думается последняя группа препятствий едва ли может быть отнесена к тем, которые относятся собственно к стадиям судебного или третейского разбирательства, ибо они возникают после вынесения решения по существу. Хотя, понятно, что, возражая против последнего можно сослаться на п.65 Постановления ЕСПЧ от 15.01.2009 "Дело "Бурдов (Burdov) против Российской Федерации" (N 2)" (жалоба N 33509/04). Однако с подобным возражением можно и поспорить, поскольку в приведенном положении ЕСПЧ ведет речь о праве на суд, что, конечно, более широкая правовая категория, чем право на доступ к правосудию, ибо наряду с ним включает, на наш взгляд, и право на справедливое судебное разбирательство.

2. В пятом положении, выносимом на защиту, диссертант указывает, что судебный антиисковой запрет, выносимый государственным судом в рамках публичной процессуальной юрисдикции, представляет собой самостоятельный процессуальный институт *sui generis* с доминирующей публично-правовой функцией. В этой связи хотелось бы ясности в том, каково, по мнению диссертанта, его место в системе гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права, т.е. среди их самостоятельных институтов (имея в виду, что диссертант указывает на его такой признак, как доминирующая публично-правовая функция).

3. Хотелось бы большей ясности в том, что имеет в виду диссертант, указывая в аспекте практической значимости своей работы, в частности, на ее возможную роль в формировании комплексной процессуальной защиты российской юрисдикции (С.12). В этой связи возникает вопрос, что именно является предметом защиты в подлежащих случаях – субъективные права российских лиц либо сама по себе российская юрисдикция (или также и она). Ибо это неясно, с учетом неопределенности в том, что из этих правовых

феноменов является целью, а что средством (если, конечно, между ними диссертантом не усматриваются иные соотношения).

4. Поддерживая введение диссертантом в научный оборот понятия компенсаторной юрисдикции (о чем подробно речь идет на с. 92-121 диссертации), заслуживает прояснения, почему это понятие раскрывается через категорию «правомочие суда», притом, что одновременно указывается, что речь идет об институте (т.е. некоей системе норм, регулирующих однородные отношения), и, соответственно, юридическом феномене, наряду с нормой, отраслью права являющемся важнейшим элементом системы права.

5. Диссертант небезосновательно утверждает, что законодатель создал системную лакуну в правовой защите, внедрив нормы об исключительной компетенции и антиисковом запрете только в АПК РФ, обойдя стороной ГПК РФ, а также о том, что такой выбор, с одной стороны, объясним экономическим характером большинства затронутых ограничительными мерами отношений, но тем не менее создает определенную процессуальную дискриминацию граждан(С.104). В этой связи возникает вопрос о том, есть ли необходимость внесения в ГПК РФ соответствующих новелл или, базируясь на норме ч.4 ст. 1 ГПК РФ, вполне можно обойтись аналогией норм ст. ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ.

Указанные выше замечания и/или вопросы не умаляют значимости диссертации. Тем более, что речь идет об исследовании, предмет которого охватывает сложнейшие процессуальные феномены – юрисдикция, подсудность, принципы права, виды производств, соотношение субъективных прав, отдельных правомочий, законных интересов и др. в контексте взаимодействия норм международного и российского национального права, что требует оперирования сложнейшими, далеко не однозначными правовыми понятиями, отражающими их, причем в сложном, динамичном симбиозе.

Рассматриваемая диссертация написана соискателем самостоятельно, обладает внутренним единством. Ее содержание свидетельствует о личном вкладе автора в науку гражданского процессуального права, ибо в ней

абсорбирован и введен в научный оборот обширный новый нормативный, судебно-практический и доктринальный иностранный материал по теме диссертации, в том числе и зарубежных, в частности, ЕС (и отдельных его стран), Канады, Китая, Мексики, Аргентины и др.

Структура диссертации (введение, три главы, включающие семь параграфов, заключение и список литературы) по своим основным параметрам, с одной стороны, корреспондирует поставленным в ней цели и задачам (С.6-7), а с другой, раскрывает последние.

Базовые выводы соискателя нашли отражение в четырех научных статьях автора в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в Диссертационном совете МГУ по специальности диссертации (а также апробированы в выступлениях соискателя в ходе нескольких научных конференций, в том числе, международных).

Диссертация Мамедалиевой А.В. соответствует специальности «5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки», по меньшей мере, указанным ниже ее направлениям (или их аспектам): защита прав в частноправовых отношениях. Выбор форм и способов (средств) защиты; компетенция, подведомственность и подсудность в сфере судебной и иной правовой защиты; несудебные формы правовой защиты. Международный коммерческий арбитраж и арбитраж внутренних споров. Инвестиционный арбитраж; правовое регулирование отношений, осложненных иностранным элементом. Международный гражданский процесс; зарубежный опыт регулирования гражданских процессуальных отношений и иных отношений, в том числе, осложненных иностранным элементом.

Диссертация также отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена

согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, *соискатель Мамедалиева Альбина Вугаровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.*

Официальный оппонент:

доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского
и административного судопроизводства
ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»

Пацация Малхаз Шотаевич _____

25 мая 2026 г.

Контактные данные:

Тел.: +7495 3325311; e-mail: civilrap@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 12.00.15 — Гражданский процесс, арбитражный
процесс

Адрес места работы:

117418, г. Москва ул. Новочеремушкинская, дом 69,
кафедра гражданского и административного судопроизводства

Подпись сотрудника Малхаза Шотаевича Пацация удостоверяю:

Руководитель/кадровый работник _____ (_____)

_____ 2026 г.